

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. Н. КАРАЗИНА

Д. В. Петренко

**ВОСПРОИЗВОДИТЬ
И ТРАНСВЕРСИРОВАТЬ.
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ МЕДИА**

Монография

Харьков – 2016

УДК 130.2:141.319.8

ББК 87.52

П-30

Рецензенты:

С. О. Заветный – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Философия человеческого общения» Харьковского национального технического университета сельского хозяйства имени П. Василенко;

О. Н. Перепелица – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и практической философии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина;

Б. Я. Пугач – доктор философских наук, профессор кафедры теории культуры и философии науки Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина;

А. В. Стародубцева – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой медиакоммуникаций Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

*Утверждено к печати решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 7 от 27.05.2016 г.)*

Петренко Д. В.

П-30 Воспроизводить и трансверсировать. Философская антропология медиа : монография / Д. В. Петренко. — Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2016. — 372 с.

ISBN 978-966-285-362-9

В монографии разрабатывается новое направление в философской антропологии – трансверсальная антропология медиа, предметом исследований которой являются взаимодействия человека и медиа. Трансверсальная антропология исследует возможности медиаобразов как воспроизводить стратегия идеологии, так и трансверсировать – создавать очаги сопротивления доминирующим формам власти/знания.

Монография адресована специалистам в области философской антропологии и философии культуры, философии искусства, культурных и политических исследований.

УДК 130.2:141.319.8

ББК 87.52

ISBN 978-966-285-362-9

© Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина, 2016

© Петренко Д. В., 2016

© Стародубцева А. В., макет обложки, 2016

ВВЕДЕНИЕ

...и дыханием волны изчертится тебе новос,
Мысль твоя сейчас воспримет очертания, наложит
печатъ поступи твоей.

Казимир Малевич [90, с. 441]

Открытое приходит из Внешнего.

Реза Незафестани [273, р. 213]

Многие линии современной философии возникают на руинах антропологии и накладывают принципиальный запрет на размышления о человеке, отсылая к радикальным антигуманистическим программам структуралистской и постструктуралистской философии. Путь от онтологизации структурных отношений в мысли Л. Альтюссера и М. Фуко до радикализма деконструктивистской философии в пределе ведет к преодолению антропоцентрических стратегий философствования, что часто понимается как отказ от антропологии. Такие направления в философии начала XXI века, как спекулятивный реализм (Р. Брассье, К. Мейясу), объект-ориентированная онтология (Г. Харман) и акторно-сетевая теория (Б. Латур), формируют так называемый «нечеловеческий поворот» («nonhuman turn») (Р. Грушин [221, р. VIII]) – принципиальное преодоление «вопроса о человеке», который, как считают многие исследователи (Ф. Джеймисон [60, с. 36], М. Деланда [206, р. 32] и др.), был снят еще структуралистами и постструктуралистами. Этот кризис философствований о человеке следует рассматривать как итог

развития определенной линии философской антропологии, сформированной еще в XIX веке и манифестированной М. Шелером, Г. Плеснером и А. Геленом как отдельное направление философской мысли в XX веке.

Критика антропологического мышления у структуралистов, постструктуралистов и теоретиков «нечеловеческого поворота» ставит перед современной философией задачу заново осмыслить условия возможности антропологического философствования и вернуть фигуру человека в актуальный философский дискурс. Конечно же, концептуальное возвращение человека не может быть движением назад, к философии, основывающейся на констатации сущности и автономии человеческого. Парадигма, в которой философская антропология развивалась с начала XIX века, себя исчерпала. Реактуализация философии человека требует как обновления понимания человеческого, учитывающего структуралистскую и постструктуралистскую критику, так и разработки новых стратегий философско-антропологических исследований. Данная монография является лишь первым шагом в этом направлении, общие черты которого пока лишь смутно проступают в современной философии.

Невозможность возвращения как к классическим антропологическим решениям, так и к онтологическим обоснованиям определяет важную тенденцию современной философской антропологии: включать в рассмотрение, помимо человеческого, ряд факторов и феноменов, ранее идентифицируемых в философской антропологии как выходящие за рамки человеческого. Если классическая философская антропология, которую в данном исследовании мы именуем автономистской, всегда была обращена к фиксации на определенном понимании человека через обозначение его границ, то тот новый тип антропологии, который формируется после эпохи «смерти субъекта» и «смерти человека», должен быть основан на понимании человеческого как смещаемого и подвижного маркера. Человек – это перекресток, на котором встречаются разнородные внешние силы: жизнь, труд, язык, образ. Любая попытка мыслить человеческое через автономизацию внутреннего: бессмертной души, рефлексивного сознания, познающего разума и т. д. – обречена на провал, так как внутреннее – это всегда продукт сил внешнего. Данное понимание человека, с различных теоретических по-

зиций тематизированное М. Фуко, Ж. Деррида и Ж. Делезом, вовсе не означает отказа от антропологии, а, скорее, формирует для нее новую систему координат, в которой человеческое должно мыслиться через радикальную открытость и непрестанное переизобретение, а любая попытка фиксации, дающая окончательное определение человеческой природе, – клеймиться как стратегия власти, захватывающая человека в целостном образе.

Этим обусловлена неизбежная политичность любого современного размышления о человеке в том расширенном смысле понятия «политическое», которое дает ему еще К. Шмитт, обозначавший им не только сферу влияния аппаратов государства, но и различные пласты человеческой деятельности, пронизанные отношениями власти, неразрывно связанными, как показал в своих исследованиях М. Фуко, с конфигурациями знания. На антропологическом уровне воздействие власти всегда обусловлено использованием целостного образа человека, – образа, воспроизводимого повсеместно: от заключительного приговора, зачитанного судьей, до демонстрации популярного голливудского фильма. Практика воспроизводства властью целостного образа человека – главное условие того, что Л. Альтюссер называл «идеологической интерпелляцией» – процедурой включения индивида в идеологию через идентификацию с тем образом или дискурсивной позицией, которую навязывает идеология.

В данном контексте одним из главных союзников власти в XX веке становятся медиатехнологии, позволяющие воспроизводить фиксационные идентичности в индустриальных масштабах. Радио, телевидение, фотография и кинематограф становятся важными антропологическими пособниками процедуры воспроизведения власти: долгое время они мыслились преимущественно именно в таком качестве, что сделало медиа объектом всевозможных философских критик, зачастую воспроизводящих дистинкции автономистской антропологии, но в то же время постепенно приведших к неизбежной акцентуации в философии вопроса о медиа как одного из наиболее значимых в конце XX века, – тенденция, претенциозно обозначенная рядом исследователей (Р. Марграйтер [255], М. Фогель [298], М. Хансен [227], Ф. Хартманн [229]) как «медиаальный поворот» в философии.

Действительно, вторая половина XX века породила множество трактовок понятия «медиа», осмысляемого то как всего

лишь сокращенное обозначение средств массовой коммуникации (Я. Коннелл, Ю. Хабермас, С. Холл), то как средство, определяющее коммуникацию (Г. Иннис, М. Маклюэн, У. Онг), то как техническое условие культурных изменений (Р. Дебрэ, Дж. Крэри, В. Флюссер), а в наиболее радикальных линиях медиафилософии – как фактор, формирующий мышление и восприятие (Ф. Киттлер, Ю. Парикка) или метафора универсального посредничества (Р. Марграйтер, К. Толен). Для классических стратегий философской антропологии любая постановка вопроса о медиа повторяет концептуальные схемы, выработанные в антропологии техники: медиа маркируются как угроза для мышления и восприятия. Но в рамках поисков современной антропологической философии медиа (и в самом широком, и в самом узком понимании) могут быть помыслены как радикальный феномен, который не только испытывает границу человеческого и нечеловеческого, внутреннего и внешнего, но и формирует векторы ее смещения и трансформации, включая в то, что в философии техники Ж. Симондона называется «доиндивидуальным полем» [291, р. 247].

С этой точки зрения, разработка философской антропологии медиа становится уникальным экспериментальным топосом для формирования новых стратегий антропологического мышления, которые затем могут быть экстраполированы и на другие онтические области. Конечно же, для философско-антропологического исследования экспериментальных режимов человеческого важны аудиовизуальные медиа, которые не только способны воспроизводить послания власти (телевидение, радио), но и обладают потенцией в результате ряда процедур, которые по традиции называют искусством, нарушать логику власти, подвергая деструкции ее манифестации (кинематограф, фотография, новые медиа).

Но как медиа, для многих критиков ставшие синонимом самых банальных практик воспроизведения посланий власти, могут создавать очаги сопротивления, открывающие экспериментальные антропологические режимы? Да и что означает слово «сопротивление» в начале XXI века, когда радикальные революционные практики себя во многом дискредитировали и, на первый взгляд, полностью исчерпали? Очевидно, что это сопротивление не может уже быть прямым столкновением с дискурсами и аппаратами власти, так как такой тип сопротивления всегда

уже вписан в отношения власти/знания, как показал в своих исследованиях М. Фуко. Значит, сопротивление должно демонстрировать нечто выходящее за рамки, установленные властью; оно должно стать экспериментом, подвергающим радикальному преобразованию те типы интерпелляций, которые навязывает власть на антропологическом уровне, и вводящим в присутствие исключенные режимы власти. Назовем такой тип сопротивления *«трансверсальным»* (от лат. *trānsversa* – «наискось, искоса, сбоку», а также лат. *transversus* – «поперечный» и *trāns-* «через, пере-, сквозь» + *vertere* «поворачивать, перевертывать, опрокидывать»).

Понятие «трансверсальность» изначально использовалось в математике и географии. В 1960-х годах оно было введено в философский контекст Ф. Гваттари, который пытался осмыслить возможности противостояния власти после поражения революционного порыва мая 1968 года. Гваттари отказывается от классических революционных концепций, основанных на трактовке революционных масс в обобщающих категориях, таких как «класс» в философии К. Маркса, и видит революционные потенциалы в случайно организованных сообществах, нарушающих иерархическую логику власти. Как пишет философ, «трансверсальность в группе является измерением, противоположным структурам, создающим пирамидообразную иерархизацию и прямые пути передачи сообщений» [222, р. 118]. Трансверсальность обозначает у Гваттари возможность неиерархических, неструктурированных групп быть «поперечными» стратегиям власти и ускользать от структурных фиксаций.

Понятие «трансверсальность» у Гваттари включено, преимущественно, в контекст достаточно абстрактного осмысления новых форм протестной политической организации, что существенно локализует его философские потенциалы. Но все же главной заслугой Гваттари является актуализация понятия «трансверсальность» в философском дискурсе. Это понятие косвенно прорабатывалось также немецким философом В. Вельшем в контексте создания концепции трансверсального разума, который, в противовес обобщающему классическому пониманию разума, способен объединять разнородное с сохранением его особенности [32, 302]; австрийским философом Г. Раунигом, который, следуя за политическими импликациями Гваттари, реконструирует формы так называемого трансверсально-

го активизма в искусстве [141, 286]; американским теоретиком литературы Б. Рейнольдсом в исследованиях трансверсальной поэтики, картографирующей связь процессов субъективации и аффектации в поле литературы [289]. Но все данные тематизации трансверсальности ограничены решением локальных задач, связанных либо с узко понимаемым политическим, либо со сферой определенных направлений искусства.

В рамках нашего исследования трансверсальность переосмысливается как важнейший философский концепт, открывающий новые решения для философско-антропологических исследований медиа. Для этого трансверсальность должна быть помыслена через соотношения с двумя важными для XX века концептами: трансгрессией и деконструкцией. Если трансгрессия, воплощая в себе деструктивный жест авангарда, нарушает антропологические границы, то трансверсирование демонстрирует условия их возможности, предполагая их непрестанное смещение и переизобретение. Если деконструкция обращается к текстуальной игре означающих и показу принципа «структурности структуры», то трансверсирование, следуя за неэкспрессивной диалектикой А. Бадью, раскрывает внетекстуальные потенции для противостояния с констелляциями власти/знания.

Предлагаемый в данной монографии проект трансверсальной антропологии медиа как нового направления современной философской антропологии основан на понимании человека как открытой формы. Эта открытость актуализируется главной способностью человека, которая позволяет оставаться антропологии всегда актуальным интеллектуальным проектом, – способностью трансверсировать: всегда быть «поперечным» любым определениям человеческой сущности, любым концептуальным ограничениям человеческого, смещая любые границы, созданные обществом и культурой. Трансверсировать – это значит вступать на путь антропологического эксперимента, в котором нет заранее определенной телеологии. Трансверсирование – это всегда ситуативность, всегда разрыв с традицией, всегда событие. Трансверсальное исследование обращено к фронтиру – промежуточной, неопределенной антропологической зоне, ускользающей от идентификаций власти и потенциально высвобождаемой такими медиа как фотография, кинематограф и так называемые новые медиа.

Трансверсальная антропология медиа обращается к исследованию возможностей медиа не только воспроизводить антропологические стратегии власти, но также и трансверсировать, вводить зрителя/слушателя в экспериментальные антропологические режимы, свободные от любых идеологических интерпелляций и оков власти/знания. Поэтому задачи трансверсальной антропологии медиа, по сути, политичны: если власть пронизывает все уровни существования человека, то открытие в ряде аудиовизуальных медиапрактик антропологических потенциалов (вос)производства трансверсального позволит продемонстрировать и наново сформулировать возможности сопротивления власти, повсеместно окружающей человека и производящей все формы символических и воображаемых самоидентификаций.

В качестве материала медиаантропологического исследования привлекаются разнородные аудиовизуальные практики: фотография и кинематограф исторического авангарда 1920-х годов, аудиовизуальные медиаэксперименты американского и французского авангарда 1960-х годов, современные направления фотографии, кинематографа и искусства новых медиа, а также многие другие линии медиакультуры, объединяемые общими установками на трансверсирование: выход за рамки репрезентаций власти/знания и демонстрацию возможности антропологического медиаэксперимента.

Первая глава монографии посвящена детальному обзору философских концептуализаций медиа. В данной главе формулируется процессуальное понимание медиа, включающее медиаисследования в контекст философской антропологии; рассматриваются условия возможности классических философских теорий соотношения человека и медиа – рефлексий, которые долгое время находились в зависимости от концепций философии техники и так называемой автономистской антропологии, определявшей доминирующие философские концепции человека с начала XIX до конца XX веков.

Вторая глава, ориентированная на разработку принципов трансверсальной антропологии в контексте философско-антропологических исследований конца XX – начала XXI века, посвящена обоснованию трех принципов методологии трансверсально-антропологических исследований медиа: медиасингуляризации, различия активных/реактивных сил и неэкспрессивной

диалектики – и компаративному анализу трансверсальной антропологии и возникшего в начале XXI века междисциплинарного исследовательского проекта археологии медиа.

Ключевой темой третьей главы являются исследования трансверсальных потенциалов медиапрезентаций телесности. На примере анализа образов фотографии, кинематографа и искусства новых медиа человеческая телесность рассматривается как в контексте воспроизведения стратегий власти, так и через возможность трансверсального производства экспериментальных режимов тела, и демонстрируется принципиальное различие трансверсально-антропологического исследования медиаобраза тела и стратегий эстетической идентификации искусства, обращенного к репрезентациям телесного опыта.

В четвертой главе с позиций трансверсальной антропологии, согласно принципу медиасингуляризации, рассматриваются различные пласты аудиовизуальной медиакультуры XX века, раскрываются особенности фотографического и кинематографического медиумов с точки зрения возможностей воспроизводства трансверсального, актуализирующегося в переизобретении антропологических границ, установленных властью/знанием. Исследовательские стратегии трансверсальной антропологии анализируются в более широком контексте онтологических и гносеологических поисков современной философии.

Пятая глава посвящена осмыслению при помощи концептуального аппарата трансверсальной антропологии медиа возможностей (вос)производства антропологического эксперимента, осуществляемого при помощи аудиовизуальных медиа. Особое внимание уделяется исследованию различных режимов темпоральности, создаваемых в аудиовизуальной медиакультуре второй половины XX века, и их антропологических эффектов; обозначается антропологическая спецификация (вос)производства трансверсального при текстуальной, аудиальной и визуальной медиации.

В шестой главе показаны инновационные возможности трансверсально-антропологических исследований при анализе кинообраза. Здесь анализируются практики кинообразности, которые позволяют наиболее радикально (вос)производить трансверсальное через особую акцентуацию аффективности, жестуальности и тактильности. В этой главе раскрываются ус-

ловия возможности кинообраза создавать эффект реальности и разрабатывается теория кинематографа как перцептивного эксперимента, противопоставляемая как семиологии кино, так и эстетике кино.

В седьмой главе, посвященной трансверсально-антропологическому исследованию медиарепрезентаций исторического и политического, рассматривается возможность представления в медиаобразе травматического исторического опыта, разрабатывается трансверсальная концепция медиапредставления исторического, анализируются потенции кинематографа и фотографии как демонстрировать гегемонные артикуляции власти, так и создавать антропологическое пространство, открытое для рефлексии и изобретения радикальной политики.

Медиаантропология становится важнейшим разделом современной философской антропологии. Медиа, понимаемые как внешний фактор, способный полностью перекраивать складки внутреннего, медиа как маркер смещающихся антропологических границ, медиа как имя, обозначающее аудиовизуальные синтезы человеческого и нечеловеческого, должны стать одним из центральных объектов философских рефлексий, ориентированных на антропологическое осмысление трансверсальности. Представляемые в монографии векторы философско-медиаантропологических исследований составляют лишь малую часть возможностей этого нового направления в осмыслении человека и человеческого. Центральная задача данного исследования – сформулировать общие методологические позиции философской антропологии медиа, основанные на процессуальности взаимо-действий человеческого и медиального, а это означает, что мысль должна всегда находиться на линии ускользания и уметь конструировать ее. Быть в инфинитивной форме глагола. Воспроизводить и трансверсировать.

